

ДОКТОР ЛЕРН,
ПОЛУБОГ

Посвящение

Господину Г. Дж. Уэллсу.

Прошу Вас, сэр, принять эту книгу.

Удовольствие посвятить ее Вам является далеко не последним в ряду тех, которые я испытал, сочиняя ее.

Я задумал ее, вдохновляясь идеями, которые дороги и Вам, и я от всей души желал бы, чтобы она была ближе к Вашим произведениям по духу, не по своему значению и достоинствам, на что с моей стороны было бы смешно претендовать, но хотя бы по качеству, которым характеризуются все Ваши книги и которое дает возможность самым чистым и пытливым умам насладиться Вашим гением, — а приобщиться к нему были бы рады самые способные люди нашего времени.

Но когда Судьба, к добру или худу, случайно натолкнула меня в аллегорической форме на этот сюжет, я не считал себя вправе отказаться от него лишь из-за того, что точное изложение его требовало известной смелости выражений, которые можно было бы обойти, только сократив повествование, что я считал бы преступлением против моего литературного дерзновения.

Теперь Вы знаете — впрочем, Вы и сами об этом бы догадались, — какого бы я желал отношения к моему произведению, если кто-нибудь окажет ему непредвиденную честь поразмыслить над ним. Я далек от желания пробудить в читателе примитивные инстинкты и радость при чтении описаний легкомысленных картин: я предназначаю свою книгу философу, ищущему Истину среди вымышленных чудес и Упорядоченность среди хаоса воображаемых приключений.

Вот почему, сэр, я прошу Вас принять эту книгу.

М. Р.

Вместо предисловия

Это случилось в один из зимних вечеров, более года тому назад, после прощального ужина, на который я пригласил друзей к себе, в небольшой особнячок на проспекте Виктора Гюго, арендуемый мною со всей обстановкой.

Так как на перемену квартиры меня толкал исключительно мой бродяжнический характер, то расставание с этим особнячком мы отпраздновали не менее весело, чем когда-то — новоселье у его очага, а когда спиртные напитки пробудили шаловливое настроение, каждый из нас старался придумать выходку почуднее; больше всего изощрялись, по обыкновению, весельчак Жильбер, специалист по парадоксам, Марлотт — этот Трибуле нашего кружка — и Кардайяк, изумительный мистификатор.

Уж и не помню, как так вышло, но через час кто-то потушил электричество в курительной комнате, заявив, что необходимо немедленно заняться спиритизмом, и усадил нас в темноте за небольшой геридон¹. Заметьте: этот кто-то был не Кардайяк, но, возможно, его сообщник, если, конечно, допустить, что во всем том, что произошло далее, виноват именно Кардайяк. Итак, мы уселись все ввосьмером, восемь недоверчивых мужчин, вокруг несчастного маленького столика, единственная ножка которого внизу опиралась на три планки, а круглая столешница сгибалась под тяжестью наших шестнадцати рук, соприкасавшихся друг с другом по всем правилам оккультизма.

Эти правила нам сообщил Марлотт. Когда-то он из любопытства изучал всякую чертовщину, в том числе и верчение столов, но не углублялся в бездну знаний; а так как именно Марлотт обычно исполнял в нашей компании роль шута, то, увидев, с каким авторитетным видом он взялся за ведение сеанса, все охотно подчинились его распоряжениям в ожидании какой-нибудь веселой выходки.

Моим соседом справа оказался Кардайяк. Я услышал, как он подавил смехок и закашлялся.

Между тем стол завертелся.

---

¹ Круглый столик на одной ножке (*фр.*).

Потом Жильбер начал задавать вопросы, и стол, к вящему изумлению Марлотта, ответил сухими потрескиваниями, подобно тому как трещит всякое сохнувшее дерево; по мнению спиритов, эти звуки соответствуют какой-то экзотической азбуке.

Марлотт неуверенным голосом переводил нам ответы стола.

Все принялись задавать вопросы, на которые стол отвечал очень разумно. Присутствующие перестали шутить и сделались серьезными; никто не знал, что и думать. Вопросы участились, участилось и ответное потрескивание стола, раздававшееся, как мне показалось, совсем рядом со мной — чуть правее.

— Кто будет жить в этом доме через год? — спросил тот, кто затеял сеанс.

— Ну знаете ли, если вы станете расспрашивать его о будущем, — воскликнул Марлотт, — он начнет сочинять, а то и вовсе умолкнет.

— Да нет, пусть спрашивает! — вмешался Кардайяк.

Вопрос повторили:

— Кто будет жить в этом доме через год?

Раздался стук стола.

— Никто, — перевел Марлотт.

— А через два года?

— Никола Вермон.

Все слышали это имя впервые.

— Что он будет делать в этот же час ровно через год? Что он делает прямо сейчас? Отвечайте!

— Начинает... писать на мне... о своих приключениях.

— Вы можете прочесть, что он пишет?

— Да... и то, что напишет дальше, — тоже.

— Прочтите нам... Начало, хотя бы только начало.

— Устал. Алфавит... это слишком долго. Дайте пишущую машинку, буду диктовать дактилографу.

В темноте по комнате пробежал удивленный ропот. Я поднялся, принес свою пишущую машинку и поставил ее на геридон.

— Это «Уотсон», — простучал стол. — Не хочу такую. Я француз, хочу французскую. Дайте мне «Дюран».

— «Дюран»... — разочарованным тоном проговорил мой сосед слева. — А такая марка существует? Никогда о ней не слышал.

— И я тоже.

— И я.

— И я.

Мы были сильно расстроены этой неудачей, но тут голос Кардайяка медленно произнес:

— Что до меня, то я пользуюсь машинками исключительно марки «Дюран». Хотите, привезу?

— А вы сумеете печатать в темноте?

— Вернусь через четверть часа, — сказал он, не ответив на этот вопрос, и вышел.

— Раз уж во все это ввязался Кардайяк, — заметил кто-то из гостей, — будет весело.

Однако же свет зажженной люстры явил взорам присутствующих лица куда более серьезные, чем следовало бы. Даже Марлотт выглядел бледным.

Кардайяк вернулся через очень короткий промежуток времени — можно даже сказать, поразительно короткий, — расположился перед геридоном, за своей пишущей машинкой; свет опять потушили, и стол вдруг заявил:

— В остальных уже не нуждаюсь. Можете разомкнуть цепь. Пишите. Застучали по клавишам пальцы.

— Невероятно! — вскричал переписчик-медиум. — Просто невероятно! Мои пальцы движутся сами по себе, помимо моей воли.

— Что за ерунда! Быть этого не может! — прошептал Марлотт.

— Клянусь вам, клянусь... — возразил Кардайяк.

* * *

Мы долго сидели и безмолвно слушали эти похожие на телеграфные постукивания, ежеминутно прерываемые звонком, предупреждающим о близости конца строчки, и треском передвигаемой каретки. Каждые пять минут мы получали новую страницу. Мы решили перейти в гостиную и читать вслух по мере того, как Жильбер, получая страницы от Кардайяка, станет передавать их нам.

Семьдесят девятую страницу мы читали уже при свете незаметно подкравшегося дня. На этой странице машинка остановилась.

Но то, что она напечатала, оказалось до такой степени увлекательным, что мы принялись умолять Кардайяка дать нам возможность познакомиться с продолжением.

Он уступил нашим просьбам, и в конце концов, после множества ночей, проведенных за клавиатурой стоявшей на геридоне пишущей машинки, мы получили законченное повествование о приключениях выше-названного Вермона.

Читатель познакомится с ними ниже.

Эти приключения весьма своеобразны и местами не совсем приличны: *должно быть*, их будущий автор не предназначает их для печати. *Он их сожжет*, как только закончит; словом, если бы не любезность геридона, никто никогда бы так и не познакомился с их содержанием. Вот почему, ничуть не сомневаясь в их достоверности, я нахожу публикацию произведения, которое будет написано еще только через год, крайне пикантной.

Дело в том, что я убежден в правдивости автора, хотя его заметки и кажутся сильно шаржированными, набросанными карандашом на манер примечаний начинающего студента-медика на полях книги, имя которой Знание.

Возможно ли, что они апокрифичны? Вполне, но ведь давно известно, что легенды во много раз увлекательнее Истории, и даже если все это выдумка Кардайяка, книга от этого не делается хуже.

И все же я от всей души желаю, чтобы «Доктор Лерн» оказался правдивым описанием реальных превратностей судьбы реального человека, так как при этом стечении обстоятельств (ведь геридон описывал то, что случится через год) злключения героя еще не начались и, судя по всему, произойдут в то самое время, когда о них поведаст книга, — а это придает интересу к ней некий странный привкус.

Да и потом, через два года я и сам уже буду знать, занимает ли небольшой особнячок на проспекте Виктора Гюго господин Николая Вермон. Некое тайное предчувствие убеждает меня в этом заранее: трудно ведь допустить, чтобы Кардайяк — человек серьезный и весьма неглупый — потратил столько часов только лишь на то, чтобы мистифицировать нас... Это мой главный аргумент в пользу его искренности.

Впрочем, если какой-нибудь недоверчивый читатель захочет меня проверить и рассеять свои сомнения, пусть отправится в Грей-л'Аббей и там лично осведомится о жизни доктора Лерна и его привычках. У меня сейчас не хватает свободного времени, но я просил бы этого исследователя затем сообщить мне все, что ему удастся выяснить, ибо мне и самому страшно хочется пролить на эту историю свет и узнать, является ли этот рассказ очередной мистификацией Кардайяка, или же он и в самом деле был продиктован вертящимся столом¹.

---

¹ Мы не изменили в тексте «Доктора Лерна», продиктованном столом Кардайяку, ни единой буквы — некрасиво было бы менять текст совершенно неизвестного автора, которого и печатаешь к тому же без его разрешения, — поэтому просим читателя не возлагать на нас ответственность ни за определенную напыщенность слога мсье Вермона, ни за некоторую чисто библейскую смелость описаний. Впрочем, мы надеемся, что читатель охотно простит ему все, когда узнает, сколь ужасные испытания доведется перенести этому молодому человеку к тому времени, как он сядет писать свои воспоминания. — *Примеч. переписчика.*

Глава 1 НОКТЮРН

Заканчивалось первое воскресенье июня. Тень автомобиля неслась впереди меня, удлиняясь с каждой минутой.

С самого утра все встречные смотрели на меня с встревоженными лицами, как смотрят на сцену во время представления мелодрамы. Облаченный в автомобильный костюм из дубленой кожи, с кожаной фуражкой на голове, в больших выпуклых очках, напоминавших глазницы скелета, я, должно быть, казался им каким-нибудь дьявольским порождением, каким-нибудь демоном святого Антония, убегающим от солнца и мчащимся навстречу ночи, чтобы поскорее скрыться в ее мраке.

И в самом деле, я ощущал в сердце некую отверженность, потому что другого ощущения не может быть у одинокого путешественника, который провел семь часов, не вылезая из гоночного автомобиля. Его мозг находится во власти кошмара; вместо обычных мыслей его преследует какая-нибудь навязчивая идея. У меня не выходила из головы коротенькая фраза, почти приказание: «Приезжай один и предупреди о прибытии». Эта фраза упорно и настойчиво торчала в моем мозгу и волновала меня все время моего одинокого путешествия, и без того ставшего мучительным из-за быстроты езды и беспрерывного гудения мотора.

А между тем это странное распоряжение: «Приезжай один и предупреди о прибытии», дважды подчеркнутое моим дядюшкой Лерном в своем письме, сначала не произвело на меня особенного впечатления. Но теперь, когда, подчинившись этому распоряжению, я мчался, совершенно один и заранее предупредив о прибытии, в замок Фонваль, непонятный приказ неотступно преследовал меня, не давая покоя. Мои глаза видели эти слова повсюду, я слышал их во всех раздававшихся вокруг меня шумах, несмотря на все усилия прогнать их. Нужно ли было прочесть название деревушки, мои гла-

за читали: «Приезжай один»; пение птиц звучало в моих ушах как «Предупреди». А мотор без усталости, доводя меня до остервенения, повторял тысячи и тысячи раз: «О-дин, о-дин, о-дин, при-ез-жай, при-ез-жай, при-ез-жай, пре-ду-пре-ди, пре-ду-пре-ди...» Тогда я начинал мучить себя вопросами, почему дядя так распорядился, и, не будучи в состоянии найти причины, страстно стремился приехать поскорей, чтобы раскрыть эту тайну, не столько из желания получить, вероятно, банальный ответ, сколько для того, чтобы отделаться от преследовавшей меня навязчивой фразы.

К счастью, я приближался к цели, и местность становилась все более мне знакомой. Воспоминания детства овладевали моей душой и с успехом боролись в мозгу с мучившей меня мыслью.

Нантель, многолюдный и суетливый город, немного меня задержал, но сразу же по выезде из пригорода я наконец увидел вдали покрытые облаками вершины Арденн.

Вечерело. Желая добраться до своей цели до наступления ночи, я пустил автомобиль с предельною скоростью; он задрожал, захрипел, и дорога пролетала под ним с головокружительной быстротой, — мне казалось, что дорога наматывается на машину, как нитки на катушку. Ветер свистит и гудит, как буря, туча комаров попадает мне в лицо, по стеклам очков, как заряд дроби, барабанят мелкие камушки. Солнце у меня теперь справа, почти на самом горизонте. Дорога, то опускаясь, то подымаясь, принуждает его несколько раз заходить и взойти для меня. Наконец оно совсем скрылось. Я мчусь в сумерках с такой быстротой, на которую способна моя милая машина, — и, полагаю, вряд ли другая могла бы ее перегнать. При такой скорости горы не далее чем в получасе езды. Смутные очертания их становятся более отчетливыми и принимают зеленоватый оттенок, цвет покрывающих их лесов, — мое сердце хочет выпрыгнуть от радости. Ведь пятнадцать лет, целых пятнадцать лет я не видел моего милого леса, старого, верного друга моего детства.

Замок находится здесь же, в тени деревьев, на дне громадной котловины. Я ее помню совершенно отчетливо и даже различаю, где она, — темнеющее пятно выделяет ее. Надо сознаться, что это довольно странный овраг. Моя покойная тетушка Лидивина Лерн, влюбленная в старинные легенды, уверяла, что этот овраг образовался от удара гигантским каблуком Сатаны, разозлившегося на какую-то неудачу. Но многие оспаривают это объяснение. Во всяком случае, легенда недурно характеризует место: представьте себе громадное

круглое углубление с совершенно отвесными краями, с одним только выходом — широкой просекой, ведущей в поле. Другими словами — равнина, входящая в гору в виде земельного залива, образует в ней тупик; остроконечные края этого амфитеатра тем выше, чем дальше котловина углубляется в горный массив. Так что можно подъехать к самому замку по совершенно ровной дороге, ни разу не встретив ни малейшего подъема, хотя котловина и врезывается вглубь горы. Парк находится в самой глубине котловины, а утесы служат ей стенами, к замку же ведет единственное ущелье. В этом месте выстроена стена, в которую вделаны ворота. За ней идет длинная, совершенно прямая липовая аллея. Через несколько минут я въеду на эту аллею... и немного времени спустя узнаю наконец почему никто не должен сопровождать меня в Фонваль. «Приезжай один и предупреди о прибытии». К чему эти предосторожности?

Терпение. Арденны, эта огромная цепь гор, вырисовываются отдельными глыбами. При той быстроте, с какой я мчусь, кажется, будто горы все время в движении: вершины то исчезают, то снова выплывают, вздымаясь, словно величественные волны, и зрелище беспрестанно меняется, напоминая громадное море.

За поворотом показывается село. Оно мне прекрасно знакомо. В былые времена каждый год в августе месяце меня с матушкой на станции в этом селе ожидала дядюшкина повозка, запряженная лошадкой Бириби. Оттуда нас везли в замок. Привет, привет, Грейл'Аббей! До Фонваля всего три километра. Я нашел бы путь в замок с завязанными глазами. А вот и дорога, прямая как стрела; скоро она углубится в лес и перейдет в широкую аллею.

Уже почти ночь. Какой-то крестьянин что-то кричит мне, должно быть ругательства. К этому я уже привык. Сирена отвечает ему угрожающим и болезненным ревом.

Вот и лес. Ах, какой дивный воздух! Он напоен ароматом былых расставаний. Разве воспоминания могут пахнуть чем-то еще, кроме леса? Восхитительно! Как же хочется продолжить этот праздник обоняния!

Я замедляю ход, и автомобиль продвигается потихоньку. Шум двигателя превращается в шепот. Справа и слева, постепенно повышаясь, начинаются отвесные стены широкого оврага. Будь немного светлее, в глубине аллеи можно было бы увидеть замок. Ого! В чем дело?

Машина едва не перевернулась: вопреки ожиданию, дорога резко ушла в сторону.

Я еще больше сбавил скорость.

Чуть дальше — новый поворот, еще один.

Я остановился.

На темном небе, по каплям проливая свою светящуюся росу, мерцали сотни звезд. При свете весенней ночи мне удалось разглядеть над собой гребни утесов, расположение которых меня удивило. Я попытался вернуться и обнаружил позади разветвление дороги, на которое не обратил внимания. Поехав направо, уткнулся в новое разветвление — будто пытался разобраться в каком-то логогрифе, — оттуда направился к замку, ориентируясь по утесам, но снова попал на перекресток. Куда же девалась прямая аллея? Это неожиданное приключение поставило меня в тупик.

Я зажег фары и долго разглядывал при их свете окружающую меня местность, но не мог разобраться и найти дорогу: столько аллей выходило на эту площадку, да, кроме того, многие из них кончались тупиками. Мне показалось, что я возвращаюсь все к одной и той же березе и что высота стен не меняется. По-видимому, я попал в настоящий лабиринт и ни на шаг не продвигался вперед. Может быть, крестьянин, окликнувший меня в Грей, пытался меня предупредить об этом? Весьма вероятно. Но все же, рассчитывая на везение и чувствуя укол самолюбия, я продолжал исследование. Трижды я выехал на тот же перекресток, к той же самой березе с трех разных аллей.

Я хотел позвать на помощь. К сожалению, клаксон почему-то не срабатывал, а рожка у меня с собой не было. Кричать же не имело смысла, потому что я находился слишком далеко как от Грей-л'Аббея с одной стороны, так и от Фонвальского замка — с другой.

Меня охватил страх: а что, если закончится бензин? Я остановился посреди перекрестка и проверил бак. Он был почти пуст. К чему тратить остаток без толку? В конце концов, пожалуй, легче будет добраться до замка пешком, пройдя через лес. Я двинул напрямик, но путь преградила скрытая кустарником решетка.

По-видимому, этот лабиринт был устроен у входа в парк не для забавы, но преследовал цель воспрепятствовать проникновению в некое убежище.

Крайне этим озадаченный, я принялся размышлять.

«Совершенно вас не понимаю, дядюшка Лерн, — думал я. — Утром вы получили извещение о моем приезде, а между тем меня задерживает наиковарнейшее ландшафтное сооружение... Что за

причуда вынудила вас устроить нечто подобное? Неужели вы изменились даже в большей степени, чем я думал? Пятнадцать лет назад вам и в голову бы не пришло воздвигать столь хитрые укрепления».

Пятнадцать лет тому назад ночь, наверное, была похожа на эту. Небо озарялось теми же звездами, и точно так же молчание ночи нарушалось кваканьем лягушек, светлым, коротким, чистым и нежным. Соловей пел ту же песню, что поет сегодня. Дядюшка, та давнишняя ночь была так же очаровательна, как и эта. А между тем тогда моя тетя и моя мать только что умерли с промежутком в восемь дней, и после ухода обеих сестер мы с вами остались вдвоем, одинокими: один — вдовцом, а другой — сиротой.

И человек из тех далеких дней встал перед моим мысленным взором таким, каким его знал тогда весь Нантель: в тридцать пять лет уже знаменитый хирург, прославившийся изумительной ловкостью рук и успехом своих смелых методов и, несмотря на свалившуюся на него славу, оставшийся верным родному городу. Доктор Фредерик Лерн, профессор медицинского факультета, член-корреспондент многочисленных научных обществ, кавалер множества различных орденов и, чтобы уж ничего не упустить, опекун своего племянника Николя Вермона.

* * *

Со своим опекуном, назначенным мне законом, я встречался редко, так как он никогда не брал отпусков и навещался в Фонваль лишь летом, только по воскресеньям. Впрочем, даже тогда он беспрестанно работал, в стороне от всех. В эти дни страстная дядюшкина любовь к садоводству, подавляемая всю неделю, приводила его в небольшую оранжерею, где он возился с тюльпанами и орхидеями.

И все же, несмотря на то что виделись мы не так уж и часто, я его прекрасно знал и очень любил.

На вид это был крепкий, уравновешенный и скромный человек, быть может, несколько холодноватый, но большой добряк. Я непочтительно называл его начисто выбритое лицо «лицом старой бабы», но был в своих издевках несправедлив, ибо порой оно выглядело на античный манер, величественным и серьезным, а порой — изысканно-насмешливым, в этаким «стиле Регентства», и среди современников, бреющих усы и бороду, мой дядюшка был одним из немногих, чьи голова и физиономия своим благородством всецело подтверж-

дают происхождение от прародителей, ходивших в шелках и тогах, и позволили бы даже их отпрыску носить одежды предков, не позоря последних.

В данную минуту Лерн представал перед моим мысленным взором в том довольно плохо скроенном черном рединготе, в котором он был, когда мы виделись в последний раз — перед моим отъездом в Испанию. Будучи человеком богатым и желая и меня видеть таким же, дядюшка отправлял меня туда торговать пробкой в качестве служащего торгового дома Гомеса в Бадахосе.

Моя «ссылка» продолжалась пятнадцать лет. За это время материальное положение профессора, несомненно, стало еще более прочным, судя по проводимым им изумительным операциям, слухи о которых дошли до меня даже там, в дальнем конце Эстремадуры.

Мои же дела складывались довольно скверно. После пятнадцати лет упорного труда я окончательно потерял надежду открыть собственную фирму по продаже пробки и спасательных поясов. Поэтому я возвратился во Францию, чтобы подыскать себе какое-нибудь другое занятие, как вдруг судьба, сжалившись надо мной, дала мне возможность жить, не думая о заработке: это я — то лицо, на долю которого достался главный выигрыш в миллион и которое захотело сохранить инкогнито.

Я устроился в Париже уютно, но без роскоши. У меня была простая и вместе с тем весьма удобная квартира. Я обзавелся только самым необходимым, добавив к этому разве что автомобиль, но так и не женившись.

Да и прежде, чем пытаться обзавестись новой семьей, мне казалось необходимым восстановить отношения со старой, то есть с Лерном, и я ему написал.

Нельзя сказать, что мы не переписывались с момента нашего расставания. Вначале он давал мне много советов в своих письмах и относился ко мне по-отечески. В своем первом письме он даже сообщил мне, что составил в мою пользу завещание, указав, в каком потайном ящике в Фонвале оно спрятано. Отношения наши не изменились и после того, как он сдал мне отчет по опеке. Затем, ни с того ни с сего, письма стали приходить все реже и реже, тон их приобрел сначала какой-то скучающий оттенок, потом сделался сварливым, содержание писем стало банальным, тривиальным, стиль отяжелел, и даже почерк как будто испортился. Все эти перемены усиливались с каждым письмом; мне пришлось ограничиться еже-

годной посылкой поздравления к Новому году. В ответ я получал пару строк, нацарапанных небрежным почерком... Расстроенный потерей моей единственной привязанности, я был в отчаянии.

Что же случилось?

За год до этой внезапной перемены — и за пять лет до моего теперешнего приезда в Фонваль и путешествия по лабиринту — я прочел в газете «Эпоха» следующее:

«Из Парижа нам пишут, что доктор Лерн отказался от практики, чтобы целиком отдаться научным исследованиям, над которыми он работал в Нантельской больнице. С этой целью знаменитый хирург решил окончательно поселиться в своем арденнском замке Фонваль, специально приспособленном ad hoc¹. Он пригласил к себе на службу несколько опытных сотрудников, в том числе доктора Клоца из Мангейма и трех лаборантов Anatomisches Institut², основанного Клоцем на Фридрихштрассе, 22, и теперь вынужденно закрывшегося. Когда можно ждать результатов?»

Лерн подтвердил это сообщение в восторженном письме. Оно, впрочем, ничего нового по сравнению с газетными заметками не заключало. А год спустя, как я уже сказал, с ним произошла эта удивительная перемена. Может быть, после двенадцатимесячной работы он потерпел неудачу? Может быть, это настолько расстроило моего дядю, что он стал смотреть на меня как на чужого, насильно влезающего к нему в душу?

Несмотря на такую его холодность, даже враждебность, я из Парижа написал ему в тоне крайне почтительном и максимально любезном, сообщая, что преуспел в Испании, и прося разрешения навестить его.

Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь когда-нибудь получал менее заманчивое приглашение, чем я от дядюшки. Лерн просил меня непременно заблаговременно предупредить о приезде, чтобы он успел прислать за мной на станцию лошадей. «Вероятно, ты тут не удержишься, — добавлял он, — потому что жизнь в Фонвале далеко не веселая. Мы здесь много работаем. *Приезжай один и предупреди о прибытии*».

---

¹ Для данного случая (лат.).

² Институт анатомии (нем.).

* * *

Черт подери! Разумеется, я предупредил его заблаговременно и явился один! Я-то считал визит к дядюшке своей обязанностью. Ну да, как же! Обязанность! Глупость, и ничего более.

И я со злобой глядел на перекресток аллей, тонувших в полумраке, потому что мои тухнувшие фары освещали местность не ярче ночника.

Совершенно ясно, что мне придется провести всю ночь в этой лесной тюрьме; до утра уж мне никак не выбраться. Лягушки могли надрываться сколько им угодно на фонвальском пруду; бой часов на грейской колокольне также тщетно указывал мне направление (ведь колокольни и в самом деле могут быть названы звуковыми маяками) — все это ни к чему не вело, я был в плену.

Пленник! Эта мысль вызвала у меня улыбку. Как я бы испугался этого прежде, в давно прошедшие времена! Пленник арденнского леса! Оказавшийся во власти Броселианда, дремучего леса, который своей тенью покрывал почти целый материк, начинаясь у Блуа и доходя по цепи гор чуть ли не до Константинополя. Броселианд! Место действия детских сказок и легенд, родина четырех сыновей Эймона и Мальчика-с-пальчика; лес друидов и гоблинов, тот самый, где заснула Спящая красавица, над которой бодрствовал Карл Великий. Для каких только невероятных историй не служили декорацией его деревья, если только они же и не были действующими лицами! «Ах, тетушка Лидивина, — пробормотал я, — как вы умели оживлять все эти нелепые выдумки, которые рассказывали по вечерам после ужина! Славная женщина! Приходило ли ей когда-либо в голову, сколь сильное впечатление производят на меня ее истории? Знали ли вы, тетушка, что все ваши чудесные персонажи заполняли мою жизнь, приходя ко мне ночью во сне? Знаете ли вы, что до сих пор в моих ушах звучат порой те напевы, которые вы когда-то вызывали в моем воображении, рассказывая фонвальскими вечерами о трубе Роланда или о роге Оберона?»

* * *

Мои размышления были прерваны тем неприятным обстоятельством, что фары, несколько раз тревожно мигнув, потухли. Я не смог сдержать досадливого жеста. На миг наступила абсолютная темнота; кругом воцарилась столь глубокая тишина, что мне показалось, будто я вдруг ослеп и оглох.

Потом мои глаза мало-помалу прозрели, а вскоре появился лунный серп, распространяя холодный молочный свет вокруг себя. Лес побелел, и стало как будто холоднее. Я задрожал. При тете это случилось бы от страха: испарения, клубившиеся белым туманом в лесу, я принял бы за драконов и змей; пролетела сова — а мое воображение нарисовало бы покрытый перьями шлем заколдованного рыцаря; прямая береза, белый ствол которой блестел, как копье, стала бы дочерью волшебного дерева; дрогнувший от ветерка дуб сделался бы супругом принцессы Лелины.

Понятно, что ночной пейзаж давал простор воображению и мог довести до галлюцинаций. От нечего делать я задумался о прошлом. Конечно, я тогда не понимал причин этого явления так хорошо, как теперь, но я и тогда находился во власти чар леса и с наступлением сумерек неохотно выходил из замка. Да и сам Фонваль, несмотря на бесчисленное множество цветов и прекрасные извилистые аллеи, был довольно зловещим местом. Замок был перестроен из аббатства: стрельчатые окна, вековые деревья, окружавшие его, расставленные по парку статуи, неподвижная вода пруда, окружавшие ущелье утесы, въезд в него, точно ворота в ад, — все это придавало ему странный, мрачный вид даже и в светлое время суток, так что, право, ничего не было бы удивительного, если бы там все происходило на сказочный лад. Там и надо было бы вести себя как в сказках.

Я по крайней мере во время каникул всегда так и поступал. Для меня каникулы были длинным сказочным представлением, действующие лица которого проводили куда больше времени на деревьях, в воде или под землей, чем на земле. Когда я босиком галопом мчался по лугу, всякому было понятно, что вслед за мной скачет эскадрон кавалерии. А старая разохшаяся барка! С тремя метлами, изображавшими мачты, и такими же причудливыми парусами, она была моим адмиральским кораблем и олицетворяла флот крестовосцев на Средиземном море, роль которого с успехом исполнял пруд. Я мечтательно смотрел на кувшинки, и они казались мне островами; я громко называл их по имени: вот Корсика и Сардиния... Мы проходим мимо Италии... Мы огибаем Мальту... Через несколько минут я кричал: «Земля! Земля!» Высаживался в Палестине: «Монжуа и Сен-Дени!» На ней я перенес все ужасы морской болезни и пережил тоску по родине; я боролся за Гроб Господень; я узнал вдохновение и географию...

Часто случалось, что остальные роли исполняли предметы. Мне казалось, что так больше похоже на правду. Я вспоминаю — ведь

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКТОР ЛЕРН, ПОЛУБОГ	5
СИНЯЯ УГРОЗА	201
ПОВЕЛИТЕЛЬ СВЕТА	501
НОВЕЛЛЫ	
Оперная певица	747
Слава Комаккьо	764
Господин де Труппе, дворянин-физик	801
Шум в горах	815